

Три часа ночи. Звонкий стук колотушки ночного дозорного, подобно призраку, разносился по горному ущелью, словно пытаясь поведать о безмолвии ночи.

Шэнь Циньгэ ступала по тонкому льду у кромки реки, и каждый её шаг сопровождался хрустом — в тишине ночи этот звук казался пугающе отчетливым. Тонкий лед ломался под ногами, разлетаясь мелкими осколками, которые, попадая на расшитые туфли, оставляли после себя лишь колкий холод.

Сяо Юй, держа в руке фонарь, свет которого метался от порывов ночного ветра, наклонился, освещая поверхность воды. Тени от фонаря плясали по льду. Агатный кулон на его поясе при каждом движении скользил по ледяной корке, и в холодном лунном свете на ней проступали блики, напоминавшие кроваво-красные следы — словно злобный шрам на теле реки.

— Жимолость любит тень, это верно, но её корни никогда не прорастут в расщелины синего камня, — Шэнь Циньгэ серебряной заколкой подцепила пучок темно-зеленых лиан, плотно прижавшихся к скале. Кончики её пальцев ощутили грубую поверхность растения.

На обратной стороне листьев виднелся слой тонкого белого инея, искрившегося в свете фонаря; если принюхаться, можно было уловить едва заметный травяной аромат. Она вдруг вспомнила корень дудника, который видела на складе Императорской медицинской академии: он был густо обсыпан известковой пудрой, окутывавшей его, словно тонкая вуаль. Только лекарственные травы, предназначенные для долгой перевозки, обрабатывали таким способом. Брови девушки слегка нахмурились, мысли вихрем пронеслись в голове.

Сяо Юй, чьи сапоги с золотым шитьем ступали по гравиям с сухим шорохом, остановился в трех шагах от неё.

— Госпожа Шэнь, даже когда вы рассматриваете травы, ваша осанка куда изящнее, чем у других, — он неизвестно когда успел сорвать листок жимолости и, поднеся его к свету фонаря, насмешливо повторил её хмурое выражение лица. — Неужели на обратной стороне этого листа записаны преступления господина Ли?

— Если господину Сяо так не терпится, не лучше ли помочь мне сосчитать, сколько мешков спрятано в расщелинах этих скал? — Шэнь Циньгэ убрала серебряную заколку, испачканную в мокром мху, в шелковый платок.

Боковым зрением она заметила, как Сяо Юй внезапно напрягся, словно почувствовав некую опасность. Тыльная сторона ладони, обожженная искрами три дня назад в аптечном сарае, отозвалась ноющей болью, а в ноздри ударил едва уловимый аромат лекарств, исходящий от его темных одежд.

Внезапно из глубины реки донесся резкий, пронзительный лязг металла о металл, разорвавший ночную тишину. Двадцать стражников с факелами окружили берег полукругом, и треск горящего дерева наполнил воздух. Золотой узор в виде облаков на темно-пурпурном халате господина Ли в свете огня выглядел злобным и искаженным.

— У госпожи Шэнь отличный вкус — прийти любоваться цветками ледяного кристалла в три часа ночи? — он положил пухлую ладонь на рукоять меча, узоры на которой отчетливо выделялись в отблесках пламени. — На западном берегу реки завелись водяные призраки, поэтому я специально приказал установить здесь Железного быка — стража реки. Посторонним приближаться запрещено.

Аптечка Шэнь Циньгэ ударилась о прибрежный камень, и серебряные иглы в керамическом сосуде зазвенели, словно учащенное сердцебиение.

— Я осмотрела семьдесят шесть тел, и у всех в межзубных промежутках застряли эти водоросли красной чешуи, — она развернула платок, на котором темнел влажный мох. — Этот вид живет только в воде, разъедающей железо. Осмелюсь спросить, господин Ли, почему вы скрыли, что рядом с официальной дорогой находится заброшенный железоделательный завод?

Сяо Юй крутанул веер в ладони, описывая изящную дугу. Скрытая в костяшках веера мазь для изменения внешности уже нагрелась от тепла его руки. Он пристально смотрел на коричневый налет на сапогах господина Ли — налет, от которого исходил специфический запах. Это была паста из афюна, которую изготавливали только в столичной аптеке Цзишитан.

— Дерзость! — господин Ли с силой пнул железное ведро, стоявшее у ног. Мутная речная вода брызнула на подол платья Шэнь Циньгэ, источая резкий зловонный запах. — Вы хоть понимаете, что эта река — артерия фэн-шуй всего уезда? Люди, схватить эту разносчицу ереси...

Он не успел договорить. Из-за спины Железного быка, стоявшего в центре реки, внезапно появился седой даос. Сяо Юй, используя внутреннюю энергию, придал своему голосу старческую хрипотцу, от которой с ветки вспорхнула и закричала ворона.

— Беспредельный Владыка! Железо здесь ржавеет уже три года, и дух реки давно превратил гнев в красную чешую. Вы пытаетесь подавить гнев небес — неужели хотите, чтобы народ всего уезда принял на себя удар за ваши коррупционные грехи?

Жители, держа в руках факелы, хлынули с горной тропы. В толпе передавали полуразорванную карту реки, нарисованную кровью старого нищего — в свете огня кровавые линии казались особенно яркими. Холодный пот, выступивший под чиновничьей шапкой господина Ли, стекал за воротник его лисьей шубы. Он ясно видел, как на метелке даоса позвякивает позолоченный колокольчик, сделанный мастерами Павильона Теней.

Шэнь Циньгэ воспользовалась моментом и опустила керамический сосуд в воду. На поверхности внезапно появились странные индиговые пузыри — такие же, как те, что она обнаружила три дня назад в желудках погибших.

Рыбий клей, который Сяо Юй использовал для грима, все еще лип к его кадыку. Его взгляд скользнул к повозке за спиной господина Ли, накрытой циновкой: из следов колес сочилась лекарственная жидкость, застывавшая на инее темным узором, напоминавшим таинственные

письмена.

— Завтра в пять утра открыть алтарь и совершить жертвоприношение речному богу! — бросил господин Ли и, уходя, наступил на обломок железной таблички с надписью «Изготовлено Управлением речных перевозок». Звук ломающегося металла эхом отозвался в ночи.

Сяо Юй бесшумно прошел по обломку, и магнит, спрятанный в подошве его сапога, притянул половинку разбитой печати с головой тигра. Шэнь Циньгэ убрала пропитанную речной водой марлю в медную трубку. Лунный свет осветил тонкий порез на её запястье, оставленный ледяными кристаллами.

Сяо Юй, протягивая платок, замешкался и вдруг кончиками пальцев, все еще липкими от грима, коснулся её рукава:

— Госпожа Шэнь, в следующий раз, когда будете лгать, следите, чтобы серебряные иглы в аптечке не гремели. Вы просчитались как минимум на пол-ли в определении места того старого завода.

Речной ветер, подхватив пепел сожженных бумажных денег, понес его в сторону аптеки. В темноте, куда не доставал свет фонарей, господин Ли затыкал рот какому-то ночному сторожу пастой из афюна. А в тайнике под днищем повозки виднелась половина карты с отчетливой алой печатью чиновника.

По пути обратно в аптеку вокруг царил тишина, лишь гравий похрустывал под ногами. Шэнь Циньгэ обдумывала находки, а Сяо Юй настороженно оглядывался.

Когда колотушка пробила пятый удар, Шэнь Циньгэ влила последнюю каплю пробы в стеклянную чашу. Пламя масляной лампы отражалось в медном тазу, и этот свет, падая на её лицо, заставлял капельки пота на носу блестеть, словно утренняя роса на жимолости.

— Паста из афюна при контакте с серой дает фиолетовые пятна, — Сяо Юй, прислонившись к аптечному шкафу, вертел в пальцах кусочек коричневого осадка. Он нарочно провел рукавом, испачканным в гриме, по её волосам. — Не хотите попробовать проверить серебряной заколкой?

Кончики ушей Шэнь Циньгэ покраснели, но пальцы, обмотанные марлей, уверенно держали трехдюймовую иглу. В чаше проступили кристаллики, похожие на паутину. На кончике иглы остался налет с привкусом железа. Она вспомнила, как при осмотре тел видела похожую ржавчину под ногтями погибших. Сопоставив знания и опыт, она пришла к выводу: это связано с кораблекрушениями на канале, ведь только там могли выжить яйца волосатика.

— Господин Сяо, подержите лампу, — она поднесла иглу к свету, не заметив, что Сяо Юй уже встал так, чтобы закрыть собой щель в окне.

Пляшущий огонек осветил тонкую, как волос, черную нить на острие — яйца волосатика.

Звук колотушки сторожа внезапно изменился, став зловещим предзнаменованием. Позолоченный колокольчик в рукаве Сяо Юя зазвенел без ветра. Он схватил Шэнь Циньгэ за руку, не давая открыть медную трубку:

— Не двигайся. Третий кирпич в юго-восточном углу.

Не успел он договорить, как раздался треск черепицы, смешавшийся с лаем собак. Шэнь Циньгэ рефлексивно спрятала чашу в аптечку, но Сяо Юй мягко прижал её руку. Его ладонь, покрытая мозолями, накрыла её ладонь, а запах лекарств сменился резким ароматом селитры. Он поджег полынь, сушившуюся на бамбуковой подставке.

— Злая энергия идет с востока, нужно отогнать её огнем, — прошептал он ей на ухо, и его кадык, все еще испачканный в гриме, коснулся родинки на её шее.

За окном послышался глухой удар о землю и стоны стражников. Шэнь Циньгэ хотела что-то сказать, но Сяо Юй приподнял её подбородок веером. В медном зеркальце, встроенном в веер, отразились тринадцать факелов, мелькавших под крышей напротив. У каждого из державших их людей на поясе висела черная деревянная табличка аптеки Цзишитан.

— Господин Ли действительно не поскупился, — усмехнулся Сяо Юй, растирая в пальцах остатки лекарства. Коричневый порошок упал в горящую полынь, подняв фиолетовый дым со сладковато-кровавым привкусом. — Афюн из столичного Цзишитана стоит куда дороже, чем железная табличка Управления перевозок.

Ветер на рассвете швырнул пепел в окно. Шэнь Циньгэ наконец извлекла из трубки пропитанную марлю. Индиговые разводы на бумаге сложились в странный узор, который идеально совпал с краями карты старого нищего.

— Это карта изменения русла Хуанхэ, — её голос дрогнул. — Господин Ли самовольно изменил русло, чтобы направить грязную воду в притоки, а эти яйца волосатика...

Снаружи доносились крики и плач. Внезапно дверь аптеки распахнулась от удара, и на пороге показались два десятка крестьян с мотыгами. Старуха, стоявшая впереди, плеснула кровью черной собаки на дверной косяк.

— Звезда бедствий явилась! Речной бог в гневе!

Сяо Юй раздавил сапогом влетевший в комнату факел, и магнит на подошве притянул окровавленную печать. Аптечка Шэнь Циньгэ опрокинулась, чаша разбилась, и синяя жидкость начала разъедать мох на полу.

— Госпожа Шэнь, берегитесь! — крик Лю Жуянь утонул в шуме толпы.

Сяо Юй, чьи темные полы халата скользили по хаосу из осколков, в суматохе зазвенел колокольчиком. Шэнь Циньгэ сжала медную трубку, но почувствовала, как в её ладонь вложили холодный предмет — половинку таблички Управления речных перевозок.

Балки аптеки затрещали. Последним, что увидела Шэнь Циньгэ, прежде чем исчезнуть в проходе, был Сяо Юй, который веером подцепил факел из рук старухи, обнажив сине-фиолетовую татуировку на запястье — точно такую же, какая была у коробейника, умершего три дня назад от эпидемии.

<http://bllate.org/book/18527/1781923>